СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА

ЛИЦОМ К ДОНУ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Вот так же плыл он тридцать три года назад вверх по Дону, только плыл куда медленнее — тогда еще не испытывала на себе река больших скоростей. Ему не было и сорока, а жизнь его казалась многотомной — как только успелось ей вместить столько событий, перемен, столько дорог и встреч, столько упорной, напряженной работы рук и духа. Бывшего ученика Таманского казачьего училища и единой трудовой школы, бывшего учителя в небольшом дальневосточном поселке, окруженном тайгой, и студента-заочника Благовещенского пединститута, бывшего аспиранта Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена и заведующего кафедрой русской литературы Ростовского пединститута, бывшего корреспондента армейской газеты 56-й действующей армии и будущего известного писателя Виталия Александровича Закруткина звали к себе земля, природа, простой и мудрый уклад деревенского бытия. Все пережитое им, перевиданное, перечувствованное желало высказаться, но все это требовало отстоя, глубокого обдумывания, труда души и мысли. У него уже вышло несколько книг, сотни его очерков и рассказов, стихов и памфлетов были напечатаны в армейской, фронтовой и центральной прессе, в последний военный год он стал членом Союза писателей. Тогда, конечно, он не смел даже в шутку предположить, что когда-нибудь книги его удостоят Государственных премий и переведут на многие языки. Всякое будущее неизвестно, но одно в нем он знал точно: все, чем занимался до войны, — лекции и архивы, экзамены и институтские кабинеты — оставляет навсегда. Самовластно подкатывала судьба, которую невозможно было удержать.

Станица Кочетовская приглянулась ему тихим, неброским уютом. Сошел он на безлюдный берег, вместе с ним — девушка-попутчица с сундуком. Помог ей донести тяжелую ношу, разговорился дорогой, и, когда дошли до хаты, благодарные, гостеприимные хозяева оставили его на ночлег. Несколько дней он прожил у них, вдоль и поперек исходил окрестности, понял, что не ошибся в выборе. С разрешения местных властей купил Виталий Александрович в станице дом, который и до сегодняшнего дня стоит в десяти шагах от Дона, к нему лицом.

Три реки сошлись у станицы, взялись за руки и водят вокруг нее хоровод — полноводный Дон да его малые братья Северский Донец и Сухой Донец, или, как его здесь называют, — Спорный. Так что живет станица вроде бы как на острове. Не одну легенду о ее названии передают из поколения в поколение местные жители. Но Виталий Александрович склонен верить одной: первые здешние поселенцы, по всему видать, плыли издалека, веслами работали долго. Как раз у этого места сломались у гребцов кочетки, что крепят весла. Решили люди тут и остановиться — суденышки свои починить, дух перевести. А наутро огляделись, и так им по сердцу земля пришлась, что плыть дальше не захотели. Вот от тех кочетков и дали они имя своему селению...

СТОЯЛ НЕВЕРНЫЙ летний день — солнце то ускользало за облака охладиться в неравномерном, испорченном душе дождя, то снова принималось жечь, на глазах высушивая капли. Чем больше съеживалось расстояние до станицы, тем неспокойнее вел себя Виталий Александрович.

— Вот, верите ли, ни разу ни в санатории, ни в доме творчества не был,— в глазах его собирается почти детская радость.— Машина, карта, стол складной, четыре стула — и вперед... Но больше двух недель без Кочетовской не могу, а тут, поди ж ты, за два дня успел соскучиться...

Ожидание свидания с домом, с женой, а она, конечно, встречала его на пристани, со своим садом, птицами росло в нем неудержимо, пружиной разжималось внутри, и ему уже было не по себе в тисках накрахмаленного ворота рубашки и парадного костюма. Он возвращался из Вешенской — Михаилу Александровичу Шолохову исполнилось семьдесят пять, и ему вручали высокую награду. С Шолоховым Закруткина связывает давняя дружба. Соединил их и не разлучает вот уже десятки лет Дон.

Виталий Александрович, закончив аспирантуру, гостил в то лето у родственников в бывшей станице Усть-Медведицкой, ныне город Серафимович. Почти как у Маяковского: «Была жара, жара плыла...» Только началось все не с дачи, а с лекции о Пушкине, которую молодой аспирант читал в летнем театре по просьбе местных культработников. После лекции — о, неожиданность! — к Закруткину подошел сам Александр Серафимович — знакомиться. Потом долго и много раз говорили они с ним о литературе, конечно, и о Шолохове — имя его уже было в венце славы, вышли две первые книги «Тихого Дона»... Александр Серафимович и представил Закруткина Шолохову, то есть вбил ту самую вешку, от которой повела отсчет их дружба. А окрепла она, когда Виталий Александрович окончательно поселился на Дону, в Кочетовской.

Таким он мне больше всего помнится: худой, легкий, с щеточкой седых усов, с внимательными, всегда настроенными на новость глазами за стеклами очков, в простой свободной одежде, ступающий между виноградных лоз, грядок с морковью и луком, среди черешен в последних бордовых брызгах ягод и вишен, только набирающих сладость...

— Виталий Александрович, а что же с яблоней-то стряслось, ветка у нее одна совсем желтая...

— Видел,— вздыхает он, ворошa книги,— похоже, верхушечное усыхание, чего-то ей, бедняжке, не хватает, хочу по книгам проверить, как лечить...

Поднимается он вместе с неугомонными обитателями гнезд и скворечников в саду, когда спущенные шторы еще только сулят солнечный свет. И первонаперво идет к Дону, а его в нетерпении обгоняют привыкшие к традиционным ранним прогулкам Урс, Чарли и Лис, заходясь восторженным лаем. В утренней прозрачной тишине донская природа по-особому прекрасна, и Виталий Александрович, зарядившись ее торжеством и покоем, взбодрив себя чаем, заботливо оставленным женой в термосе с вечера, предвкушая вдохновение, принимается за работу. Его старенький письменный стол, который он ни в какую не разрешает сменить на новый, утопает в книгах, бумагах с записями и пометками, раскрывающими смысл лишь одному хозяину. Он всегда пишет не торопясь.

Этим летом, глядя на Дон, ему, наверное, неотступно видится совсем другой берег: краешек широкой песчаной ленты поглаживают бирюзовые волны. Пляж болгарского курорта пуст, окна отелей зажмурены, а над морем дрожит дымка, как апельсиновое желе... В один из таких ранних часов и случилась та встреча писателя — с замыслом. Их было только двое на пляже, незнакомых между собой людей. Две разные жизни, две похожие судьбы. У одного — на голове картуз с большим козырьком и надписью «Мюнхен», под рукой у другого—томик Толстого и пачка «Беломора» Они лежали на приличном расстоянии, не решаясь обменяться взглядами, как вообще старались избегать посторонних глаз — и тот, и другой без ноги... Вот она, вспышка, ожог негаснущей памяти, вот она, ниточка с узелком, завязанным жизнью и временем. «На Золотых песках» — такое спокойное, скорее похожее на туристический экскурс, название дал Виталий Александрович Закруткин своей будущей повести. Но отнюдь не в развлекательное путешествие позовут нас страницы новой книги. Уже в первых ее набросках страстно бьется вера писателя в человеческий разум, сердце — да, не безоблачным было небо, оно и сейчас не везде так же сине, как здесь, на золотом берегу курорта, и, помня об этом, мы все, живущие на земле, обязаны помочь ему быть только мирным.

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ — тема вечная и неисчерпаемая в писательском творчестве. «Человека нельзя представить вне земли — даже в космосе,— читаем мы в книге «Цвет лазоревый», где Закруткин рассказывает о своем понимании Шолохова, человека и писателя.— Земные поля и нивы кормят человечество, земные воды утоляют жажду. Неисчислимые красоты земли — леса и реки, горы и долы, роса на травах, соловьиная песня, отражение луны на лоне тихого озера, запах розы и вечнозеленой хвои, шум морского прибоя, теплые дожди и тихие снега, золотое пшеничное зерно и окутанный паром, только что рожденный телок, великое множество проявлений земной жизни — неотделимы от человека так же, как сам человек неотделим от земли».

Все это познал он еще совсем мальчишкой, в самый разгар гражданской войны, в маленькой деревне Екатериновке. По стране, не зная меры, гуляли голод и тиф, семья Закруткиных жила трудно. То время научило Виталия Александровича пахать землю и доить коров, вязать снопы и чинить упряжь, лечить телят и свиней... Память возвращает ему и родные образы матери и отца, потомственных учителей, истинных просветителей— в какой бы школе отцу ни приходилось работать, он везде высаживал сады, заводил пасеки, устраивал столярные, слесарные мастерские... Туда же, в трудное и сладостное детство, ускользают, шелестя в кустах, знакомые тропинки, по которым бродил он с братом Ростиславом, выискивая на деревьях вороньи гнезда, чтобы принести домой солдатский котелок, наполненный птичьими яйцами... И какой же душевный трепет испытывал он, готовый плакать от счастья, когда природа открывала ему свои краски, звуки и запахи, влекла к чему-то прекрасному и певучему. Поэзия не ошиблась, постучавшись в мальчишеское сердце. Навсегда полюбил он вскормленные землей стихи Есенина, полжизни отдал изучению творчества Пушкина — богато изданные шесть томов сочинений поэта, купленные в лавочке московского букиниста за баснословные по тем временам деньги (а мама велела потратить их на продукты — семье предстояла неблизкая дорога на Дальний Восток), путешествовали с Виталием Александровичем, как самая дорогая на свете реликвия, по товарным вагонам и на телегах, в чемоданах и рюкзаках...

В ДНЕВНИКАХ ТОЛСТОГО есть такая мысль: «Память уничтожает время». Да, время бессильно перед памятью, она живет, пока жив человек. Память писателя еще длиннее, потому что продолжается в его книгах. Сколько записей сохранили поблекшие листки блокнотов, которыми была набита военная сумка Виталия Закруткина,— правда, часть их пропала, когда его контузило и сумка оборвалась с плеча... О многом, что пришлось пережить и увидеть на фронтовых дорогах, поведал писатель в своих рассказах и повестях, в «Кавказских записках», «Замке Шонинг», «Матери Человеческой»...

— В сентябре сорок третьего за Таганрогом на десятки километров растянулись наши войска, догоняя врага, наступая в направлении Мариуполя,— рассказывал Виталий Александрович, покручивая в пальцах мундштук и глядя поверх деревьев на закат.— Мы ехали параллельно дороге, степью, стремясь скорее приблизиться к месту событий. Проскочили выжженный хуторок, и вдруг на выезде шофер еле-еле успел затормозить: показалось, что паренек лет четырех, голый и худенький, вырос из-под земли. Потом мы увидели и его мать в выцветшей солдатской шинели. Рыдая, упала она на колени, и тут мы услышали, как многие месяцы таилась эта женщина с сынишкой в чудом уцелевшем погребе...

Встреча на пепелище потрясла Виталия Александровича, и вскоре он написал очерк «О живом и мертвом». Но спустя годы, уже в Кочетовской, он вернулся к давней истории — стало совестно, что рассказал ее скороговоркой. Так, за одну зиму, родилась его знаменитая повесть «Матерь Человеческая», где с художественной силой и яркой образностью проявились и память писателя о войне, и все, что он знал о нелегком труде на земле. «Матерь Человеческая» — из числа тех произведений искусства,— таким предисловием сопровождалась книга В. Закруткина, изданная в Братиславе,— которые человек воспринимает сердцем, не умом, не головой, а всем своим существом. Это не только история о трудной судьбе одной женщины, это книга обо всей войне, о страданиях многих людей... Эта книга — прославление самой жизни в ее глубочайшем понимании. Вот почему и описания природы в большинстве своем служат здесь тому, чтобы подчеркнуть созвучие человека и природы».

В каждом произведении В. Закруткина мы ощущаем такое созвучие. «Подсолнух» ли это или «Плавучая станица», «Млечный путь» или «Сотворение мира»... Общаясь с писателем, слушая его, наблюдая за его неприхотливым бытом, за его манерой разговаривать со станичниками запросто о земных, обычных делах, понимаешь, что созвучие это — существо самого Виталия Александровича, что он удивительно тонко, ранимо понимает и воспринимает душу всего живого. И, словно чувствуя это, кто только не прибредает к дому Закруткиных — собаки и кошки, ежи и ужи, ласточкиных гнезд на террасе целый поселок, и они постоянно кружат над домом, похожие на ножницы, что-то вырезают в воздухе. Далеко окрест наслышаны люди о невероятной любви Виталия Александровича к животным. Дело даже до того дошло, что однажды из Москвы к нему пса привезли — хозяева уезжали на несколько лет за границу, и только у Виталия Александровича, уверяли они, хорошо ему будет, а им за него — спокойно. А как-то мужчина постучал в калитку с мальчиком. «Вы, — спрашивает,— Закруткин? Не откажите, ради бога, возьмите кота, мне в Воркуту лететь, а тут малец, вещей полно, куда ж с котом-то...»

Нередко и по таким вот делам приходят в его дом люди. А то просто поговорить, совета попросить или помощи — ведь Виталия Александровича знают не только как писателя, отзывчивого человека, но и как депутата областного Совета, которого все волнует: и как ладится дело в полеводческих бригадах, у виноградарей, у рыбаков, и бережное отношение к лесу, рекам, зверям и птицам... Нет, не за тем он приехал в станицу, чтобы спрятаться от жизни в уютном кабинете среди книг и тишины. Он шел навстречу жизни, в гущу ее, чтобы рассказать о ней в своих книгах.

...Провожая меня, Виталий Александрович вытянул вперед руку: «Во-он там, за деревьями, видите, на самом краю реки — винцех, прекрасное вино делают. Помню, лет пятнадцать назад Дон так разлился, что на лодках пришлось туда заплывать... А там, — рука его, как стрелка, передвигается в другую сторону,— рядом с плотиной — шлюз, по-моему, ваш транспорт уже в камере стоит, через пять-семь минут будет здесь...»

И долго еще, удаляясь от берега, я видела, как стоял он, повернувшись к Дону, улыбался в усы и мягко поднимал шляпу, будто птица крыло...

Т. ИСАКОВА.
(Наш спец. корр.).
станица Кочетовская,
Ростовская область.